

УДК 811.16(092)

Н. И. Клыпа

**Из истории исследования славистики
в Нежинском историко-филологическом институте
(наследие А. С. Будиловича)**

У статті розглядається діяльність великого філолога-слависта А. С. Будиловича в Ніжинському історико-філологічному інституті в 1875–1881 рр. Детально аналізується його праця "Аналіз складових частин слов'янських слів із морфологічної точки зору".
Ключові слова: славистика, морфологія, класифікація мов, корінь, основа, флективний, слово.

В статье рассматривается деятельность крупного филолога-слависта А. С. Будиловича в Нежинском историко-филологическом институте в 1875–1881 гг. Подробно анализируется его работа "Анализ составных частей славянских слов с морфологической точки зрения".
Ключевые слова: славистика, морфология, классификация языков, корень, основа, флективный, слово.

The article considers the activities of a famous Slavonic scholar A. S. Budilovich in Nezhin History and Philology Institute in 1875–1881. His work "Analysis of the components of Slavic words with the morphological point of view" is analyzed.
Key words: Slavic Studies, morphology, classification of languages, the root, the base, flexional, the word.

Выдающийся славист, ученик академика В. И. Ламанского, Антон Семёнович Будилович родился 24 мая (5 июня) 1846 г. в белорусском селе Комотово Гродненской губернии в семье сельского священника [1, с. 3]. Его дед по отцу был униатским священником, а в 1839 г. перешёл в православие. Ещё в первой половине XIX в., как отмечает О. А. Никифорова, фамилия звучала как Будзиллович, переименовав на польский лад фамилию Будило [6, с. 90].

Интерес к истории славян и их языку пробудился у Будиловича ещё в годы обучения в духовной семинарии, а уже в Санкт-Петербургском университете сформировались его научные взгляды.

Целью данной статьи является рассмотрение научных изысканий А. С. Будиловича нежинского периода. Учёный приехал в Нежин 1 октября 1875 г. по приглашению профессора Н. А. Лавровского и занял должность и. о. ординарного профессора по русской словесности [1, с. 6].

Русская словесность, или "история церковнославянского и русского языка и их литератур и главнейшие их наречия" [7, с. 26], была одним из предметов преподавания в Историко-филологическом институте князя Безбородко, целью которого было "приготовление учителей древних языков, русского языка и словесности и истории средних учебных заведений ведомства народного образования" [7, с. 25]. И именно А. С. Будилович стоял у истоков научного славяноведения в Нежинском историко-филологическом институте. Читаемые им славяноведческие курсы отличались большим разнообразием. История, топография, этнография славянских народов подробно рассматривались учёным [5, с. 160]. В то же время А. С. Будилович много внимания уделяет лингвистическим исследованиям, значительным началом которых можно считать его магистерскую диссертацию "Исследование языка древнеславянского перевода XIII слов Григория Богослова по рукописи императорской публичной библиотеки XI века", защищённую в Санкт-Петербурге в 1871 г. [1, с. 4].

В Нежинском институте проходит процесс становления А. С. Будиловича как видного учёного-слависта. Здесь были написаны его лучшие работы по истории славянских языков и славянских народов, по проблемам взаимосвязи славянских языков.

С открытием Историко-филологического института в 1875 г. стали выходить "Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине", где в 1877 г. была опубликована работа А. С. Будиловича "Анализ составных частей славянского слова с морфологической точки зрения" [3, с. 103–208]. Применяя сравнительно-исторический метод, опираясь на работы В. фон Гумбольдта, Ф. Боппа, Ф. Миклошича, учёный прослеживает процесс образования слов из корней в его "началах, течении и результатах".

А. С. Будилович отмечает, что корни могут рассматриваться с двух сторон: 1) с внешней, или формальной, и 2) с внутренней, или логической. Поэтому этимология, или наука о словах, распадается на два отдела: морфологию, или учение о формах слов (на разных ступенях их развития), и семасиологию или учение о значениях (функциях) тех же слов [3, с. 104].

Анализируемая работа посвящена рассмотрению важнейших вопросов славянской морфологии, так как учёный считает "смешение ... двух частей этимологии ... очень вредным для науки" и предполагает "впоследствии посвятить особую статью семасиологическому отделу славянской грамматики" [3, с. 104].

По мнению А. С. Будиловича, задача славянской морфологии, как науки, заключается в том, чтобы определить:

1) "какими сочетаниями звуков пользуется данный язык, как значащими элементами речи или корнями;

2) какие звуковые средства употребляет этот язык в ходе образования из корней – слов, т. е. из элементов – тел" [3, с. 104].

Опираясь на учение В. фон Гумбольдта о морфологической классификации языков, А. С. Будилович выделяет три класса, или типа, языков:

1) "языки корней (изолирующие, моносиллабические), где нет различий между корнями и словами, между именем, глаголом и частицами;

2) языки приставок (агглютинирующие), где слово состоит из соединения нескольких корней, но соединения довольно внешнего и механического, при чём лишь вторые корни (аффиксные) теряют свою самостоятельность, но первый удерживает её вполне;

3) языки флексий, где процесс органического сращения корней в единстве слова прошёл гораздо дальше и выразился потерей самостоятельности и взаимным приравниванием всех элементов слова" [3, с. 104–105].

По мнению Будиловича, славянский язык принадлежит к числу языков высшей формации, т. е. флективных. В нём совершился и завершился полный процесс образования из корней слов.

Развитие слов из корней Будилович (подобно натуралистическим взглядам А. Шлейхера) сравнивает с ростом дерева, считает этот процесс органическим и выделяет шесть последовательных его фаз:

1) корень простой, или первичный;

2) корень вторичный, третичный и т. д.;

3) основа, или тема первичная;

4) основа, или тема вторичная, третичная и т. д.;

5) слово простое, или несложное;

6) слово сложное из 2, 3 и более отдельных тем или слов [3, с. 105].

Конечно, не каждое славянское слово прошло все означенные ступени, но три из них: 1, 3, 5-я, по утверждению А. С. Будиловича, пройдены неизбежно каждым словом, "хотя не всегда сохранился явственный след всех этих метаморфоз ..." [3, с. 105].

Считая тремя главными фазами развития слова **корень**, **основу**, **слово**, учёный делит морфологию на три части: учение о строении корней, учение об образовании основ и учение об образовании слов. Из таких же трёх частей состоит и анализируемая работа.

А. С. Будилович считает одной из самых трудных задач морфологии "определение качества и количества первичных корней данного языка" [3, с. 106]. Особенно это касается языков флективных, которые корневую фазу прошли очень давно и претерпели значительные изменения и фонетические искажения. Значительное внимание в исследовании уделяется качеству первичных корней.

В славянском языке, как одном из "арийских (индоевропейских)", слоговых, учёный выделяет 6 типов корневых звукосочетаний, состоящих из обязательного гласного звука, с которым могут сочетаться от одного до пяти согласных. Например: *a* – "прежде указательное местоимение, потом частица", *свист-ъ*, *перст-ень*, *скрън-а*, *хврат-ъ* [3, с. 107–109].

Таким образом, по утверждению А. С. Будиловича, постоянным и основным элементом корня славянского языка является гласный звук, а число согласных может изменяться от одного до пяти. Учёный предполагает, что в древнейшие эпохи жизни языка строение корней отличалось большей простотой и однообразием, а корни с четырьмя и пятью согласными являются вторичными, т. е. представляют соединение корней с аффиксами, но столь древним, что они стали частью новых корней. При этом учёный опирается на статью П. Шафарика о расширении первичных глагольных корней посредством согласных в славянском языке. Такими согласными были, например, *-p-*: *рус. капля*, *польск. kropla*; *-l-*: *рус. холст*, *польск. chusta*; *-c-*: *рус. кора*, *польск. skora* [3, с. 110].

Вопросу о количестве славянских корней А. С. Будилович уделяет мало внимания. Вслед за И. Добровским, который впервые "исчислил" "все корни славянского языка", учёный называет цифру 1605, отмечая что "лучше остановиться на 600–800 корней реальных (как это сделал г. Миклошич), чем строить этимологию на одной или двух сотнях корней очень гадательных" [3, с. 112].

Во второй части своего труда – "Учение об образовании основ" – А. С. Будилович рассматривает систему аффиксов, которая в "арийских языках" является "важнейшим, а быть может и единственным, способом развития из корней основ, а из последних слов" [3, с. 113]. К аффиксам учёный относит "различные приставки", которые могут расширять коренные созвучия "в начале (префиксы), середине (инфиксы), или конце (суффиксы) тех созвучий" [3, с. 113]. Эти аффиксы могут рассматриваться с трёх сторон: "1) с генетической, по их происхождению; 2) с морфологической, по звуковой форме; 3) с семасиологической, по внутреннему значению", но Будилович останавливается только на первых двух аспектах учения об аффиксах.

По мнению учёного, аффиксы развиваются из корней "служебных", которые выступали "знаками логических отношений", а впоследствии легли в основу частей речи "местоименных и частичных" (а "корни знаменательные (знаки предметов, качеств, действий) легли в основу частей речи глагольно-именных") [3, с. 114].

В "арийских" языках "в показатели отношений или в аффиксы слов избраны из всего запаса корней лишь немногие, именно самые отвлечённые, местоименные корни".

Таким образом, по утверждению учёного, "каждая арийская основа и каждое слово представляет соединение по меньшей мере двух корней, из коих один должен быть местоименного происхождения" [3, с. 114].

На основе анализа глагольных приставок Будилович приходит к выводу, что префиксы *въ*, *вы*, *изъ*, *на*, *подъ*, *при* и другие были самостоятельными корнями, так как и сейчас они употребляются в роли предлогов. В особую группу учёный выделяет префиксы, образованные путём редупликации корня: *кукушка*, *люлюкать*, *мама*, *пепель* и другие, отмечая в большинстве случаев звукоподражательный характер слов и их немногочисленность в славянском языке, поэтому "на редупликацию надо смотреть, как на один из видов образования основ посредством префиксов" [3, с. 117].

Анализируя инфиксы славянского языка, Будилович обращается к глагольным корням и отмечает постоянные чередования гласных, которые восходят к "проарийскому" языку: *жьѡ – ожеѡ*; *нѡсти – вынос*; *бить – бой*; *мяти – мука* и другие. Он считает, что "образование многих основ (особенно именных) совершается в славянском языке, как и в других арийских, посредством динамического движения или усиления коренного гласного" [3, с. 121].

Но всё же "господствующим морфологическим принципом" славянского языка учёный считает "развитие корней не префиксами или инфиксами, а – суффиксами" [3, с. 121]. Опираясь на работы Ф. Боппа и Я. Гримма, ученый доказывает, что "в суффиксах скрываются самостоятельные первоначально корни субъективного значения" [3, с. 122]. Например, суффикс глагольного залога – *ся* совпадает с корнем возвратного местоимения *себя*.

А. С. Будилович отмечает, что при общем единстве происхождения всех аффиксов роль суффиксов "обширнее и разнообразнее", так как они образуют не только основы, как префиксы и инфиксы, но и слова [3, с. 123]. Потому значительное внимание исследователь уделяет анализу суффиксов именных и глагольных основ и суффиксов склоняемых и несклоняемых слов. Среди суффиксов именных основ в славянском языке А. С. Будилович выделяет восемь групп: с гласными: *ь, о, а* (*раздорь, дыра, тыло*); с йотом и *в* (*хмьль, вльхвъ, лжь*); с плавными *м, н, л, р* (*дымь, ремень, убыль, дарь*); с зубными *т, д* (*шесть, длато, тврдь*); с гортанными *к, х, г* (*знакъ, плоучь, смеъхъ*); со свистящими *ц, з, с* (*борець, пьтица, витязь, чась, рысь*); с шипящими *ч, ж, ш* (*врачь, грабежь, торгашь*); с зубными *п, б* (*столпь, зьлоба*). При этом, отмечает учёный, звуки, играющие роль суффиксов, образуют множество комбинаций (163), из которых "лишь в 4 случаях находим чистые гласные, во всех остальных встречаем их соединения с согласными" [3, с. 159].

Глагольные суффиксы "отличны от именных не только в семасиологическом, но отчасти и в морфологическом отношении" [3, с. 162]. Преобладающую роль в них играют "вокальные элементы". А. С. Будилович рассматривает 11 суффиксов глагола "во всех его видоизменениях, в области не только тем (основ), но и слов" [3, с. 163]. Например: *дар-ова-ти, двиг-ну-ти, побед-и-ти* и другие.

В образовании основ местоимённых, по утверждению учёного, очень много неясного, так как "местоимения и частицы ... подверглись с течением времени чрезвычайным звуковым изменениям, так что науке всё ещё не удаётся восстановить ни первоначального вида этих основ, ни последовательных фазисов их развития" [3, с. 175]. Происхождение основ числительных также "очень древне, как видно из их общности во всех арийских языках, а также из темноты их состава" [3, с. 178]. А. С. Будилович подробно анализирует происхождение названий 12 чисел, которые в славянском языке обозначены "самостоятельными корнями и темами": *единь*

(инь), *два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, сто, тысяча*. "Все остальные образованы путём сложения этих основных чисел десятичной системы" [3, с. 179].

Третья часть работы учёного – "Учение об образовании слов" – посвящена анализу морфологических средств языка, с помощью которых образуются "слова склоняемые и спрягаемые". И хотя термин флексия знаком А. С. Будиловичу [3, с. 184], он всё же выделяет "суффиксы падежей, в их видоизменениях по родам и числам; и суффиксы лиц, с их разветвлениями по числам" [3, с. 184].

Сравнивая формы славянского языка с латинским, греческим и другими, учёный отмечает, что звательный, именительный и винительный падежи составляют "в совокупности особую и тесно между собой связанную группу форм, а остальные падежи "смыкаются в две пары: 1) родительный с предложным (местным) и 2) дательным с творительным (орудным)", что проявляется "в совпадении параллельных форм" в двойственном числе" [3, с. 190]. При этом "большая часть падежных форм" славянского языка отличаются "вокальными суффиксами": *жено, женъе, женоу*, а "согласные элементы", по утверждению А. С. Будиловича, утрачены, хотя некоторые сохранились в местоименных формах: *на-мь, на-сь* [3, с. 200].

Среди глагольных суффиксов (личных) учёный различает "полные" и "сокращённые", которые выделились в результате вторичной дифференциации для разграничения глагольных значений "времен положительных (*praesens, perfekt, futurum*) и условных или исторических (*imperfect, aorist*)" [3, с. 201]. Хотя в славянском языке это различие не имеет такого значения, как в санскрите или греческом, а "существенное значение имеет лишь различие лучных форм по числам" [3, с. 202]. В большинстве случаев происхождение личных "суффиксов" глаголов (*дашь, даси, дасте* и т. п.) Будилович возводит к местоименным корням.

Также и происхождение частиц, или неизменяемых частей речи, объясняется через "окочение известных падежных и личных форм слов" [3, с. 205]. Например, "от корней местоименных" произошли частицы: *а, и, да, не, когда* и т. п." [3, с. 205]. "От личных форм настоящего изъявительного произошли наши союзы: *если (есть ли), буде*; частица *де*" [3, с. 207].

Таким образом, в анализируемой работе А. С. Будилович подробно рассмотрел составные элементы славянского слова в их происхождении и звуковом выражении и пришёл к выводу, что

основным способом образования и новых слов, и форм одного и того же слова в славянском языке является аффиксация.

Наиболее значительной работой учёного в области славистики не только нежинского периода, но и всей научной деятельности можно считать его труд "Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным", которую 5 февраля 1879 г. А. С. Будилович защитил как докторскую диссертацию [1, с. 7]. Работа представляет собою сравнительный словарь слов различных славянских языков, разбитых на соответствующие группы: 1) слова, имеющие отношение к космографии, метеорологии, физике, географии; 2) слова, которые относятся к геологии, минералогии, металлургии; 3) слова по ботанике; 4) по зоологии; 5) по анатомии и физиологии животных; 6) по медицине и т. д.

Палеонтологический анализ почти двух тысяч слов, общих для славянских языков, дал возможность учёному сделать вывод, что язык – это основной источник для изучения первобытных эпох жизни народов [4, с. III]. А слово – это "исторический памятник", "миниатюрная грамота", раскрыть которую можно, лишь обратившись к живой памяти славянских народов, изучив взаимоотношения их наречий [1, с. 7].

Данный труд был в отечественной науке первой столь крупной попыткой реконструировать бытовую историю славян по данным лингвистических исследований [5, с. 161]. К сожалению, историко-палеонтологический анализ общеславянской лексики не был завершён А. С. Будиловичем, но по богатству фактического материала, по глубине и оригинальности исследования работа до сих пор не утратила своего значения, а для своего времени "эта попытка междисциплинарного подхода к анализу материальной культуры древнейших славян являлась беспрецедентной" [5, с. 161].

В период работы в Нежинском историко-филологическом институте учёный опубликовал ряд исследований не только по лингвистике, но и по литературе, истории, где также затрагивал отдельные вопросы славянского языкознания. Нельзя не отметить работы А. С. Будиловича "О литературном единстве народов славянского племени" (1877 г.), где учёный выступает за единение славянских народов, "Несколько замечаний об изучении славянского мира" (1877 г.), "Очерки из сербской истории" (1877 г.), "Заговор графов Петра Зринского и Франца Франкопана. Эпизод из хорватской истории XVII века" (1879 г.), "По поводу "Истории славянских

литератур" г. Пыпина и Спасовича" (1879 г.), "Об отношении Пушкина к инославянским литературам" (1880 г.) [1, с. 17].

Не изменяет А. С. Будилович направлению своих научных изысканий и в период работы в Варшавском университете, где его вступительная лекция "О значении церковнославянского и русского языков и истории русской литературы в системе историко-филологических наук вообще и русско-славянских в частности", прочитанная 10 сентября 1881 г., вызвала недовольство польских студентов, которые якобы требовали даже его отстранения и замены русского языка преподавания на польский [6, с. 91].

Педагогическая деятельность А. С. Будиловича в варшавский период соответствовала его научным интересам в области славянских языков, выявившимся еще в студенческие годы и значительно укрепившимся в нежинский период.

Таким образом, Антона Семёновича Будиловича можно считать родоначальником научной славистики Нежинского института. За шесть лет работы здесь он заложил традиции преподавания славяноведческих дисциплин и создал ряд интересных работ, которые актуальны и сегодня.

Литература

1. Будилович А. С. Библиографический указатель / А. С. Будилович ; сост. и отв. ред. Г. В. Самойленко. – Нежин, 1993.

2. Белая А. С. Из истории лингвистических исследований в Нежинском историко-филологическом институте / А. С. Белая // Литература и культура Полесья. – Нежин : НГПИ, 1990. – Вып. 1. – С. 48–50.

3. Будилович А. С. Анализ составных частей славянских слов с морфологической точки зрения / А. С. Будилович // Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. – 1877. – Т. II. – С. 103–208.

4. Будилович А. С. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным / А. С. Будилович // Известия Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине. – 1878. – Т. II. – С. 1. – 264.

5. Лиман С. Из истории изучения средневековых славян: Нежинский период научно-педагогической деятельности Антона Семёновича Будиловича (1875–1881) / С. Лиман // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету імені Т. Г. Шевченка. Збірник. – Вып. 73. Серія : історичні науки : № 6: – Чернігів : ЧДПУ ім. Т. Г. Шевченка, 2009. – С. 159–166.

6. Никифорова О. А. Образовательная и политическая деятельность А. С. Будиловича в Царстве Польском (1881–1892 гг.) / О. А. Никифорова // Славяноведение. – 2011. – № 3. – С. 90–97.

7. Устав Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине // Известия Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине. – 1877. – Т. I. – С. 21–35.